

УДК 821.161.1.09 «1917/1991»

ББК 83.3 (2=Рус)6

К 20

Капец О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: ruz-adyg83@mail.ru

Осмысление проблемы любви в творчестве М.А. Булгакова (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается тема любви в романах М.А. Булгакова «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита» и рассказах «Полотенце с петухом», «Стальное горло». Отмечается влияние как христианских воззрений, так и других источников на осмысление данной проблемы. Установлено, что тема любви в творчестве писателя раскрывается с учетом христианской традиции в трёх аспектах: любовь к Богу, любовь к ближнему и половая любовь, хотя, безусловно, христианскую модель восприятия мира можно считать первичной в творчестве Булгакова и претерпевающей видоизменения под воздействием различных философских и религиозных теорий.

Ключевые слова:

Философско-религиозная модель, нетрадиционные источники, христианское понимание, любовь.

Капец О.В.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, Adyge State University, e-mail: ruz-adyg83@mail.ru

Comprehension of the problem of love in M.A. Bulgakov's creativity

Abstract:

This paper discusses the theme of love in M.A. Bulgakov's novels «The White Guard» and «The Master and Margarita» and in stories «Towel with a Rooster» and «The Steel Windpipe». Influence of both Christian views and other sources on understanding of this problem is noted. The theme of love in creativity of the writer is disclosed taking into account the Christian tradition in three aspects: love for God, love for the neighbor and sexual love. However, the Christian model of perception of the world can be considered primary in Bulgakov's creativity. It undergoes modifications under the influence of various philosophical and religious theories.

Keywords:

Philosophical and religious model, nonconventional sources, Christian understanding, love.

Проблема любви всегда привлекала внимание людей. Типология любви была разработана еще древними греками, которые выделяли: «Эрос» - любовь-страсть; «филию»-любовь-дружбу, «приязнь индивида к индивиду»; «сторге»-любовь- «привязанность»; «агапе»-любовь «к ближнему» [1: 327]. Позднее лю-

бовь «к ближнему» была положена в основу христианства, которое «усмотрело в Л. сущность своего бога и одновременно пл. заповедь человеку» [1: 327].

Христианский аспект любви стал предметом осмысления в сочинениях известных отечественных философов С.Л. Франка и И.А. Ильина. К нему обращались в своем творчестве виднейшие русские писатели Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Нашла христианская любовь отражение и в произведениях М.А. Булгакова. Произошло это под влиянием не только существовавшей в русской культуре христианской традиции, но и той среды, в которой вырос писатель.

Будучи сыном профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и внуком священника, Михаил Афанасьевич Булгаков с детства усвоил ту религиозную модель, которая наложила неизгладимый отпечаток на взгляды людей, близких ему по крови. М. Чудакова – исследователь жизни и творчества писателя – отметила: «Тому, кто размышляет над биографией и творчеством Булгакова, всегда надо иметь в виду: что бы ни происходило со старшим сыном доктора богословия в первые годы после смерти отца и в последующие десятилетия – все это возвысилось на фундаменте, заложенном в детстве: он был уже невынимаем, и лег в основу самого творчества» [2: 43]. Данное высказывание помогает понять отношение М. Булгакова к проблеме любви, осмысленной писателем, с учетом христианских воззрений, в трех аспектах: любовь к Богу, любовь к ближнему и половая любовь.

Первый аспект – любовь к Богу – как «первая и наибольшая заповедь», рассматриваемая в Евангелии от Матфея: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим...» [3: 1042], - находит свое отражение в романе М. Булгакова «Белая гвардия» (1923-1924). На обращение писателя к Богу указывает про-

никнутый юмором сон Алексея Турбина. В основу сна положен рассказ о рае, ведущийся от лица погибшего при участии в военных событиях вахмистра Жилина. Согласно повествованию, в рай вместе с покойным вахмистром прибыл эскадрон гусар, который встретил там апостол Пётр. Значительное место в структуре сна занимает и описание Бога: «Лик осиянный, а какой – не поймешь... Бывает, взглянешь - и похолодеешь. Чудится, что он на тебя самого похож. Страх такой проймет, думаешь, что это такое? А потом ничего, отойдешь. Разнообразное лицо. Ну, уж а как говорит, такая радость, такая радость... [4: 60]. Бог в этом сне показан через призму двойного восприятия: Жилина – Алексея Турбина. Жилину присущи упрощенно-религиозные представления, а Алексею Турбину – немного насмешливое и высокомерное отношение к ним. Взгляды Алексея Турбина во многом соответствуют мировоззрению молодого М. Булгакова, отличавшегося (после смерти отца) большим вольнодумством. Как отмечала М. Чудакова: «В марте 1910 года в дневнике сестры Булгакова Надежды Афанасьевны засвидетельствован отход старшего брата от обрядов (он не хочет соблюдать пост перед Пасхой, не говет) и его решение религиозных вопросов в пользу неверия» [2: 43]. Но как бы ни были велики религиозные колебания в мировоззрении М. Булгакова, в романе «Белая гвардия» они были даны наряду с христианскими представлениями. Это отражается не только на сне Алексея Турбина, но и во всей ткани произведения. Подтверждением тому служат религиозные воззрения отца Александра, Елены Турбиной, Русакова, показанные в романе.

Второй аспект – любовь к ближнему, – рассматриваемый в Евангелии от Матфея в качестве второй заповеди: «... возлюби ближнего твоего как самого себя» [3: 1042], - тоже осмыслен в булгаковском творчестве. Тема подвижнической, христианской любви звучит в рассказах пи-

сателя, связанных с врачебной деятельностью. В рассказе «Полотенце с петухом» (1926) изображено спасение девушки, попавшей в мялку, а в рассказе «Стальное горло» (1925) показана ситуация хирургического вмешательства при тяжелой форме дифтерии. Находит любовь к ближнему свое отражение и в романе «Белая гвардия» (1923-1924): примером её можно считать героическое поведение полковника Най-Турса, спасающего юнкеров ценой своей жизни. Жертвенная любовь к ближнему изображена и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929-1940): к её проявлению относится милосердие Маргариты по отношению к Фриде, присутствующей на балу у Воланда, и Понтию Пилату, несущему свое наказание «двенадцать тысяч лун» [5: 45].

В романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» писатель обращается и к образу Христа, являющемуся наивысшим воплощением жертвенной любви к людям. Правда, в «Белой гвардии» образ Иисуса присутствует еще только в видении Елены, молящейся о выздоровлении Алексея Турбина. Вот как об этом пишет М. Булгаков: «Шёпот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь её была непрерывна, шла потоком... и совершенно неслышным пришёл тот, к кому через заступничество смуглой девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой... Огонёк разбух, тёмное лицо, врезанное в венец, явно ожидало, а глаза выманивали у Елены всё новые и новые слова [4: 227-228]. Образ Христа, возникший на страницах «Белой гвардии», не конкретен: он представляет собой абстракцию, сложившуюся в сознании Елены из традиционных легенд об Иисусе. Но в силу этого данный образ точен, чего нельзя сказать о булгаковском Иешуа Га-Ноцри в «Мастере и Маргарите».

Кроме традиционных черт, Иешуа присущи различные внешние и внутренние характеристики, отличающие его от

образа библейского Иисуса Христа. На не соответствие булгаковского образа евангельскому указывал в своем комментарии к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» ещё Г. Лесский. «Нетрадиционность образа Иешуа, - писал исследователь, - очевидна: «человек лет 27» (вместо принятых по Евангелию 33), не помнит своих родителей (мать и официальный отец названы во всех Евангелиях), по крови, «кажется сириец» (в Евангелии от Матфея еврейское происхождение Иисуса прослежено от Авраама), родом из города Гамала (вместо Вифлиема), имеет одного единственного ученика (вместо 12-ти апостолов)...» [6: 620-621]. Таковы внешние отличия. Но более всего поражают несоответствия внутренние: Булгаков в своём романе «Мастер и Маргарита» представляет на суд читателя образ не богочеловека, каким является библейский Иисус, а человекобога, если быть более точным - даже человека. И в этом понимании внутренней природы Христа М. Булгаков ближе к французскому историку христианства Э. Ренану, написавшему книгу «Жизнь Иисуса» [7], чем к евангелистам.

Библейский Христос, прежде всего, – Мессия, сын Божий, ренановский и булгаковский – человек, проповедовавший своё учение в I в. н.э. Правда, Иешуа Га-Ноцри М. Булгакова в отличие от Христа Э. Ренана и создателей Евангелий, являясь носителем оригинальной теории, утверждает, что «злых людей нет на свете» [5: 30]. Безусловно, ни библейский, ни ренановский Иисус не говорил ничего подобного, но сущность проповеди Христа и Иешуа заключается в их призыве к добру, а поступки проникнуты огромной жертвенной любовью к людям. Но не только любовь к Богу и к ближнему осмысливает М. Булгаков в своих произведениях.

Третий аспект проблемы любви – половая любовь, – находящий свое отражение в Нагорной проповеди Христа и направленный на укрепление семьи: «... кто разводится с женою своею, кроме вины

любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» [3: 1016], – тоже учитывается М. Булгаковым в его творчестве. Любовь, переходящая в семью, по мнению писателя, должна представлять путь к спасению от неразберихи, царящей в годы революции, гражданской войны, правления большевиков. Таковую семейную идиллию показывает писатель в романе «Белая гвардия» на примере семьи Турбиных, в которой даже после смерти родителей сохраняются тёплые, дружеские отношения, основанные на взаимной дружбе друг к другу. Но семейный идеал, продолжающийся и в годы безвременья распространять вокруг себя свет и тепло, постепенно уходит в невозвратное прошлое, поэтому и любовные линии, данные в романе: Сергей Тальберг – Елена, Леонид Шервинский – Елена, Алексей Турбин – Юлия Рейс, Николка Турбин – Ирина Най-Турс, – представляют собой либо незавершенные, либо распадающиеся отношения, которые развивались в эпоху революции и гражданской войны.

Тема любви осмысливается Булгаковым в «Белой гвардии» параллельно другой – военной теме. Не зря, акцентируя читательское внимание на темах войны и любви, писатель в начале и в конце романа указывает на то, что в небе были видны лучше всего Марс и Венера. Но если в романе «Белая гвардия» любовь к представителям противоположного пола раскрывается на фоне кровавых военных событий, то в «Мастере и Маргарите» она показана как надежда на спасение от сталинского произвола, исключаящего из-за своей античеловеческой сущности присутствие в обществе любовной семьи, идеал которой дан в «Белой гвардии».

Любовь – страсть, понимание, преданность, – которую испытывают друг к другу Мастер и Маргарита, – как отмечает Б. Сарнов, – это «путь в сверхреальность», «дорога ведущая к постижению третьего измерения бытия» [5: 87]. Но, спасая геро-

ев от царящего вокруг хаоса, она, отнюдь, – не окно в свет в духовном, религиозном смысле. Мастер и Маргарита в булгаковской Вселенной по решению высших сил заслужили только «покой» [5: 383]. Вероятнее всего, потому, что особый мир, созданный М. Булгаковым, все-таки, хоть отчасти, подчиняется христианской морали, согласно которой любовь Мастера и Маргариты греховна. Можно предположить, что другой причиной лишения героев света является недостаточная любовь Мастера к изображенному им Христу как к Богу, выраженная в несоответствии образа Иешуа евангельскому Иисусу. К религиозному пониманию романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», как отмечает Л. Турбина, обращался еще американский исследователь Б. Покровский, «увидевший грех мастера в разрушении веры» [9: 191]. Поступки булгаковских героев, их добрые и злые дела, оцениваются в романе «Мастер и Маргарита» по христианским меркам. Следовательно, и на создание Вселенной, придуманной писателем, повлияла христианская модель, претерпевшая во время работы над романом различные изменения под воздействием тех нетрадиционных источников и философских теорий, к которым обращался М. Булгаков.

Так, например, исследователь творчества писателя И. Галинская в статье «Ключи даны! Шифры М. Булгакова» указывает, что на создание образа Коровьева - Фагота могли оказать влияние догматы альбигойства [10]. Г. Лескис в комментарии к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» говорит не только об использовании народных поверий при создании писателем образов нечистой силы, но и о воздействии драмы Гёте «Фауст» на творчество М. Булгакова [6]. И, действительно, внимание исследователей при сопоставительном анализе произведений Гёте и Булгакова заслуживает не только влияние образа Мефистофеля на образ Воланда, но и обращение к теме Бога, звучащее в «Прологе на

небе» [11] в поэме Гёте «Фауст», и во сне Алексея Турбина в романе Булгакова «Белая гвардия». Большой интерес представляет и рассмотрение мотива греховности любви главных героев «Фауста» и «Мастера и Маргариты». Л. Трубина отмечает и влияние воззрений И.Канта на создание образа Иешуа Га-Ноцри, который является «носителем доброй воли» – учения, соответствующего шестому доказательству существования Бога, т.е. категорическому императиву И. Канта [9: 190-191].

С этим, конечно, нельзя не согласиться: булгаковская модель Мира сложна, и образы, созданные в его произведениях, представляют собой, скорее всего, синтез традиционных религиозных, еретических и философских воззрений. Но очевиден и тот факт, что христианские духовные ценности оказали значительное влияние как на создание последнего романа М. Булгакова, так и на более ранние его произведения. Подтверждением этому служат мотивы Откровения святого Иоанна Богослова, прослеживающиеся в романе «Белая гвардия» (1923-1924), повестях «Дьяволиада» (1924), «Роковые яйца» (1924), пьесе «Адам и Ева» (1931), «Театральном романе» (1936), романе «Мастер и Маргарита» (1929-1940). Наложил свой отпечаток христианская модель и на осмысление писателем темы любви, которая представлена в его произведениях не только как половая любовь, но и как христианская любовь к Богу и ближнему.

Причем, каковы бы ни были отличия ершалаимских глав «Мастера и Маргариты» от евангельских текстов, само обращение к ним и нежелание Булгакова напечатать роман без этих глав (сохранилось свидетельство, что Ильф и Петров брались опубликовать «Мастера и Маргариту» без истории о Христе и Понтии Пилате) [9:191-192] указывает на понимание писателем всей важности их философско-религиозного значения. Интерпретация Булгаковым евангельского сюжета во время правления большевиков, когда уничто-

жались церкви, и вера считалась чем-то позорным, - это деяние, граничащее с понятием гражданского подвига во имя добра, света и спасения от царящей в России неразберихи, где творил свой суд Воланд. И хотя в булгаковской модели Мира присутствует сатана; все-таки, – это не Вселенная Воланда. Писатель изображает в романе «Мастер и Маргарита» два полюса: добро и зло – Христа и дьявола, – определяя место и человеку, вечно мятущемуся между добром и злом. И он, по утверждению писателя, грешен, хотя и способен испытывать высокие чувства. Таковы герои московских глав - Мастер и Маргарита, – на двойственную природу которых указывалось в статье «Проблема добра и зла в наследии М. Бубера и М. Булгакова» [12: 133]. Через образы Мастера и Маргариты любовь осмысливается как чувство, возникающее между мужчиной и женщиной, являющееся первой, начальной ступенькой в познании любви; как любовь к ближнему (заступничество Маргариты за Фриду и Понтия Пилата) и как любовь к Богу (Мастер пишет роман о Христе и Понтии Пилате, а Маргарита помогает ему), представленную в Евангелии наивысшим этапом в понимании любви.

Стремление к Богу и ошибка в осмыслении его природы, за которую Мастер и Маргарита не попали в свет, а были награждены покоем; желание познать истинную любовь и невозможность её логического завершения в мире живых (создания семьи) - вот противоречия, испытываемые Мастером и Маргаритой, чьи образы, созданные талантливой фантазией М. Булгакова вошли в сокровищницу мировой литературы. Последний же роман писателя, являясь средоточием тем, волновавших его на протяжении всего творческого пути, содержит в себе ключ не только к пониманию проблемы любви как пути к спасению от чуждого, преследующего Булгакова, общественного строя, но и к осмыслению философско-религиозной модели Мира, предложенной писателем.

Таким образом, раскрывая тему любви в творчестве М. А. Булгакова, необходимо отметить, что она уходит своими корнями к её христианскому пониманию и представлена в трех аспектах: любовь к Богу, любовь к ближнему и половая любовь.

В целом же, проблема любви осмысливается М.Булгаковым в соответствии с христианской традицией и занимает значительное место в его творчестве. Хотя, безусловно, кроме первичной,

с детства существующей в сознании писателя христианской модели на рассмотрение Булгаковым темы любви повлияли также воззрения историка христианства Э.Ренана на природу Иисуса Христа, категорический императив И.Канта, взгляды И.Гёте на проблему существования Бога («Пролог на небе» из драматической поэмы «Фауст» [11]) и проблему половой любви (мотив греховности взаимоотношений Фауста и Маргариты).

Примечания:

1. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.А. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв [и др.]. 2-е изд. М., 1989. 815 с.
2. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. 496 с.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета, М., 1996. 1371 с.
4. Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Белая гвардия; Жизнь господина де Мольера; Рассказы. Махачкала, 1987. С. 6-244.
5. Лесскис Г. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. М., 1990. С. 607-664.
6. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. Рассказы. М., 2007. С. 7-420.
7. Ernest Renan. Vie de Jésus. Paris, 1863. URL: <http://www.gutenberg.org/files/15113/15113-h/15113-h.htm>
8. Сарнов Б.М. Каждому – по его вере. (О романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»). В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М., 1998. 96 с.
9. Трубина Л.А. Русская литература XX века: учеб. пособие для поступающих в вуз. 2-е изд., испр. М., 1999. 336 с.
10. Галинская И. Ключи даны! Шифры Михаила Булгакова // Булгаков М. Мастер и Маргарита. М., 1989. С. 285-294.
11. Гёте И.В. Фауст. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric_alltext.php?id=4538
12. Капец О.В. Проблема добра и зла в наследии М. Бубера и М. Булгакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 4. С. 130-135.

References:

1. Philosophical encyclopedic dictionary / ed. by S.A. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilyichyov [etc.]. The 2nd ed. M., 1989. 815 pp.
2. Chudakova M.O. Mikhail Bulgakov's biography. M., 1988. 496 pp.
3. The Bible. Books of the Holy Writ of the Old and New Testament, M., 1996. 1371 pp.
4. Bulgakov M.A. The White Guard // Bulgakov M.A. The White Guard; Life of Mister de Molière; Stories. Makhachkala, 1987. P. 6-244.
5. Lesskis G. Bulgakov's last novel // Bulgakov M.A. Coll. of works: in 5 v. V. 5. Master and Margarita. Letters. M., 1990. P. 607-664.
6. Bulgakov M.A. Master and Margarita // Bulgakov M.A. Master and Margarita: a novel.

- Stories. M., 2007. P. 7-420.
7. Ernest Renan. Vie de Jésus. Paris, 1863. URL: <http://www.gutenberg.org/files/15113/15113-h/15113-h.htm>
 8. Sarnov B.M. Everybody has his own belief (On Mikhail Bulgakov's novel «Master and Margarita»). A manual for teachers, senior schoolchildren and entrants. M., 1998. 96 pp.
 9. Trubina L.A. Russian literature of the XX century: a manual for entrants of higher schools. The 2nd ed., revised. M., 1999. 336 pp.
 10. Galinskaya I. The keys are given! Mikhail Bulgakov's codes // Bulgakov M. Master and Margarita. M., 1989. P. 285-294.
 11. Goethe J.W. Faust. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric_alltext.php?id=4538
 12. Kapets O.V. The problem of the good and evil in M. Buber and M. Bulgakov's heritage // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2013. Iss. 4. P. 130-135.